

Вэнь Шань взглянул на длинный свиток, висящий на стене. Свиток оставался завязанным, аккуратно сложенным, и он слегка вздохнул, улыбнувшись Бай Юньфэю:

— Шифу, может, спустимся вниз и поживем там некоторое время? Здесь круглый год одно и то же, скучно.

— Что плохого в том, что круглый год все одинаково? — Бай Юньфэй бросил на него взгляд, налил две чашки вина и одну подвинул к Вэнь Шаню.

— Хе-хе... — Вэнь Шань усмехнулся, сел рядом и уже собирался взять чашку, как Бай Юньфэй налил еще одну и передал ему. Тот принял ее, посмотрел на другую чашку и нахмурился.

— Шифу, вы здесь одни, и Юнь-эр, и я беспокоимся о вас.

— Кто сказал, что я один?

Вэнь Шань на мгновение замер, а Бай Юньфэй, увидев его ошеломленное выражение, опустил глаза и сказал:

— Со мной все в порядке, не беспокойся.

— С вами не все в порядке! — Вэнь Шань внезапно вскочил, опрокинув чашку вина. — Шифу, с вами не все в порядке! Он умер, этот Цинь умер. Независимо от того, верите вы этому или нет, он умер!

— Вэнь Шань! — Бай Юньфэй тихо окликнул его, поднял чашку и спокойно сказал:

— Хватит.

— Шифу!

Вэнь Шань смотрел на него. День за днем он повторял одно и то же, чтобы сохранить воспоминания, которые остались на этой снежной вершине. Вечно неизменные снежные горы идеально подходили для того, чтобы запечатать воспоминания, удерживая человека в прошлом, чтобы ему не приходилось просыпаться.

— Вы не можете так делать, не можете! — Вэнь Шань внезапно шагнул вперед, оказавшись рядом со свитком.

— Что ты делаешь?! — Лицо Бай Юньфэя изменилось.

— Буду вас! — Вэнь Шань провел пальцем по красной веревке, и свиток с шумом развернулся.

— Этот Цинь умер. Это его... последние слова.

Он знал, что Бай Юньфэй долго не хотел разворачивать этот свиток, чтобы все оставалось так, будто Цинь еще не умер.

Последние слова... Бай Юньфэй перевел взгляд на свиток. На картине Цинь Юй был одет в черное, держал в руках ветку красной сливы и с легкой улыбкой протягивал ее ему. В его темных глазах читалось восхищение.

— Вэнь Шань, спасибо тебе, — Бай Юньфэй вдруг тихо засмеялся, глядя на Цинь Юя на картине. — Я не знал, что здесь есть Цинь Юй.

Настоящий Цинь Юй!

Я всегда думал, что мы расстались на обрыве горы Сыфан, но на самом деле... задолго до этого Цинь Юй уже не было. В последующие годы я не мог найти того человека, которого так сильно любил на горе Ци.

— Шифу, зачем... — Вэнь Шань, увидев свиток, с досадой произнес:

— Так мучительно любить того, кто ушел?

— Вэнь Шань, много лет назад я любил его, — Бай Юньфэй, глядя на свиток, медленно произнес. — А потом я не знал, кем он был для меня. Теперь он стал частью моей жизни, и я уверен, что не смогу жить в мире без него.

Поэтому вы выбрали жизнь во сне.

Десятый год правления Дасин.

Когда Вэнь Шань поднялся на гору, чтобы навестить Бай Юньфэя, он встретил его на горной тропе, собирающего вещи для отъезда. Он слегка удивился, чувствуя одновременно радость и странное беспокойство.

— Шифу, куда вы направляетесь?

— На Южное море, — Бай Юньфэй ответил прямо и без колебаний.

— На Южное море? — Вэнь Шань посмотрел на вещи за его спиной и не смог удержаться от вопроса:

— Зачем туда ехать?

Бай Юньфэй смотрел на него, не отвечая, и рука его коснулась свитка за спиной. Вэнь Шань, взглянув, все понял. На самом деле, за эти десять лет Бай Юньфэй жил хорошо, за исключением того, что он жил в прошлом. Все было настолько хорошо, что он не решался это разрушить.

— Тогда будьте осторожны. Если что-то случится, обязательно отправьте мне весточку.

— Не беспокойся, — Бай Юньфэй кивнул и ушел.

На берегу Белого озера ты пообещал мне, что если поедешь в царство У, то обязательно пригласишь меня вместе путешествовать по Южному морю. Потом... мы поссорились, но теперь мы помирились, и нельзя нарушать обещание. Поедем на несколько дней, скоро вернемся.

Бай Юньфэй действительно скоро вернулся, не пробыв и месяца, и снова оказался на горе Ци. Когда Вэнь Шань снова поднялся по каменной тропе, неся с собой вещи, Бай Юньфэй сидел рядом со снежным лотосом, ухаживая за ним.

— Шифу, — позвал Вэнь Шань. — Вы вернулись так быстро.

— Угу, — Бай Юньфэй спокойно ответил и сразу же вернулся в дом. Вэнь Шань, глядя на его выражение лица, заметил, что его брови слегка нахмурены.

На снежной вершине горы Ци светило яркое солнце. Бай Юньфэй стоял у окна, глядя на маленький снежный лотос за окном, а рядом с ним висел тот самый свиток.

— Шифу, — Вэнь Шань стоял рядом, с беспокойством, но спокойно позвал его.

— Вэнь Шань, — Бай Юньфэй положил руку на оконную раму, повернул голову к картине. — Я вообще любил Цинь Юя?

— Конечно, — Вэнь Шань поспешно ответил. — Вы, конечно, любили. — Иначе что это было за десятилетие самообмана?

— Я был на Южном море и слышал от других слухи о Цинь Юе, истории, основанные на слухах. Но я не мог их опровергнуть, потому что большую часть времени меня не было рядом.

Человек, который был так важен для меня, ушел! И он не знал, что я его люблю, не знал, что я больше не держу на него зла, не знал, что я понимаю его жертвы.

И я ничего о нем не знал. Я даже не знаю, через что он прошел за свою жизнь. Я думаю, у него было много моментов отчаяния, но, оглядываясь вокруг, он не видел никого, кто бы протянул ему руку.

Вэнь Шань онемел, не зная, что сказать, и посмотрел на свиток. На картине двое юношей, искренних и наивных, жили в раю, в мгновении покоя.

— Я видел, как он упал с той горной тропы. Это был последний раз, когда он просил меня о помощи. А потом я видел, как он медленно шел к концу, но все равно выглядел облегченным. Я ничего не знал, ничего не мог сделать.

— Шифу, не думайте об этом, — Вэнь Шань встал позади него. — Просто живите в прошлом.

Не вспоминайте все, что произошло потом, помните только время вашей первой встречи, когда не было никаких разногласий.

На рассвете Бай Юньфэй проснулся, и ему показалось, что за окном падает снег. Но, открыв глаза, он понял, что это было лишь его воображение. На горе Ци не было ни облачка, и солнце слепило глаза.

— Ты наконец проснулся, я уже умираю от голода, — внезапно рядом появился Цинь Юй, жалуясь. — Даже если это просто суп из редьки, приготовь мне что-нибудь.

— У тебя что, рук нет? — Бай Юньфэй посмотрел на него и слегка стукнул его по голове.

— Есть, но я не умею, — Цинь Юй беззастенчиво улыбнулся, взял его за руку и потянул с кровати, подталкивая, чтобы тот поскорее приготовил еду. В конце концов Бай Юньфэй не выдержал и вытолкнул его за дверь.

Через некоторое время:

— Юньфэй, — Цинь Юй, держась за край двери, жалобно сказал:

— Снаружи так холодно!

— Тогда заходи, — Бай Юньфэй обернулся и улыбнулся, чувствуя себя счастливым.

Хе-хе... Цинь Юй, не стесняясь, вошел внутрь и сел за стол, ожидая еды. Бай Юньфэй принес миску с тушеным мясом, поставил на стол и улыбнулся ему.

— Что будешь делать сегодня?

— Пойду собирать травы, — Бай Юньфэй положил палочки и неподвижно смотрел на него. — Ты подождешь меня здесь, не уходи, хорошо?

— Конечно.

Цинь Юй был в восторге, и Бай Юньфэй спокойно вышел. Время пролетело быстро, и наступил вечер. Бай Юньфэй шел назад с корзиной трав и издали увидел, что каменный дом погружен во тьму.

— Цинь Юй! — Его сердце заколотилось, и он побежал обратно, распахнув дверь. — Цинь Юй!

— М-м? — В голосе слышалась сонливость, и Бай Юньфэй вздохнул с облегчением, зажег свет и сел, глядя на него. — Я думал, ты ушел.

— Я не уйду, — сказал Цинь Юй.

— Почему?

— Потому что я всегда буду с тобой. Мы останемся на горе Ци или в любом другом месте, которое тебе понравится.

Цинь Юй крепко обнял его, и Бай Юньфэй улыбнулся, сильнее сжав руки на его талии, и тихо спросил:

— Правда?

— Правда, — голос Цинь Юя звучал мягко, как вода.

— Хе-хе... — Бай Юньфэй рассмеялся, поднял голову и посмотрел на него. — Тогда на этот раз ты не исчезнешь?

Цинь Юй смотрел на него, молча, с все той же очаровательной улыбкой на губах.

В снах не знаешь, что ты гость, наслаждаясь мимолетной радостью!

Авторское примечание:

Кому-нибудь нужно продолжение о господине маркизе Ань и канцлере Сюэ?

Я написал предысторию о молодом маркизе Му, чтобы исполнить свое желание и оправдать свои хвастовства.

Восемнадцатый год правления Дасин. Канцлер Сюэ Фу подал в отставку, и император, не желая отпускать его, даровал ему титул Великого наставника, а его сыну Сюэ Жаню — титул маркиза Чжи. Позже император предложил ему стать наставником наследного принца, но Сюэ Фу отказался. После Сюэ Фу император упразднил должность канцлера, а все обязанности канцелярии перешли к Императорскому секретариату и Восточному дворцу. Великая Юн официально стала управляться Восточным дворцом и Императорским секретариатом.

Дворец Чжаова

Император обратился к сидящему рядом канцлеру Сюэ:

— Канцлер, вы всю жизнь посвятили службе, и я, естественно, понимаю, что произошло в те годы...

— Ваше Величество, — Ду Сюэтан прервал его, слегка склонив голову. — Быть верным слугой — это долг. Когда в Поднебесной царит мир, а ваш трон крепок, я выполнил свой долг. Пустые титулы не стоят упоминания.

Какое там звание герцога! Ду Сюэтан за двадцать лет службы при дворе пережил столько, что давно перестал обращать внимание на такие вещи.

<http://bllate.org/book/16170/1454196>